

чины человеческих действий, актуализация которых вызывает у человека интерорецептивные ощущения, переходящие во влечения, порождающие желания, цели и пр.

Под интересом я понимаю объективно-реальное свойство человека испытывать надобность в объектах-медиаторах, необходимых для создания, хранения и использования предмета потребности. Так, вода является для меня предметом потребности, а вот пластиковая бутылка, в которую она налита, деньги, на которые я покупаю эту бутылку, кассовый аппарат, кассовый чек, продавец в магазине, сам магазин являются для человека предметом интереса.

Наконец, третий уровень родовых человеческих свойств представлен инвариантами душевной и духовной организации людей. Среди этих видоспецифических свойств человеческого сознания важнейшую роль играет способность к выбору поведенческих альтернатив, именуемая свободой воли. Эта способность оценивать и выбирать альтернативные реакции на безальтернативные влечения основана на ценностях, под которыми понимаются мотивационные предпочтения людей, связанные с выбором конечных целей существования. Я убежден, что у всех представителей нашего вида существует совершенно одинаковый набор ценностей, что не мешает людям разных культур иметь разные ценностные предпочтения, свой тип субординации универсальных ценностей.

## **ЧЕЛОВЕК ПОЗНАЮЩИЙ. ЗНАНИЕ/НЕЗНАНИЕ КАК УНИВЕРСАЛЬНАЯ ДИСТИНКЦИЯ И ОСЬ СОЦИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ\***

*А.Ю. АНТОНОВСКИЙ*

Многие теоретики искали возможность сформулировать универсальное суждение о человеке, характеризующее его независимо от культур, эпох, этносов и страт, к которым он принадлежит. В качестве такой характеристики я предлагаю дистинкцию *знания* и *не-знания*. И в каждом обществе эта ось дифференциации людей проходит по-разному, но именно она определяет фундаментальное различие в типах обществ и, как следствие, классификации людей (в смысле Э. Дюркгейма). Перейдем к разным возможностям таких классификаций, чтобы свести их в одну.

Начну с формулирования первого тезиса: *универсальное высказывание о человеке возможно как временная дистинкция* или *временная квалификация*. Мы делим людей на современных и несовременных, причем среди

---

\* Работа подготовлена в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Социальная философия науки. Российская перспектива», грант № 14-18-02227.

современников обнаруживаем людей несовременных, а среди наших предков обнаруживаются люди, обогнавшие свое время. Это значение человека во временном измерении, очевидно, не является *независимой* переменной. Оно вытекает из временной типизации обществ, которые принято делить на *традиционное* общество и общество *модерное*, причем по самым разным основаниям.

Речь идет о целом кластере различий. В частности, проводят различие между обществами коллективистскими и индивидуалистскими (Э. Дюркгейм), дифференцированными по «врожденным» свойствам (благородству аристократии) или личным достижениям (успешные специалисты) (Т. Парсонс), между сегментарными и функционально-дифференцированными обществами (Н. Луман), между консервативными и инновативно-ориентированными, между аграрными и (пост)индустриальными, между сословно-кастовыми и демократическими. Этот список можно продолжать.

Первая часть этих дистинкций характеризует, скорее, общество прошлого, вторая — общество модерное. Очевидно и то, что каждая такая дистинкция определяет и различие между людьми. Если все перечисленные дистинкции действительно *конгруэнтны*, то у них должно быть некоторое *общее* основание. Мне представляется, что такое основание можно искать в принципиальной амбивалентности самой коммуникации.

Отсюда я делаю второе утверждение: *амбивалентность коммуникации определяет различие на знающих и незнающих людей.*

С одной стороны, коммуникация является ориентированной вовне (или *инореференциальной*). В этом случае в качестве информации, извлекаемой из сообщения (т.е. запроса на контакт), выступает *чужое знание внешней реальности*. Так, когда говорят: «Идет дождь», мы делаем вывод, что действительно *идет дождь*. С другой стороны, коммуникация является самообращенной (*самореференциальной*). Из того же сообщения о дожде всегда может быть сделан вывод о том, что партнер желает нас к чему-то мотивировать, например, остаться дома. Целью такой коммуникации является, скорее, установление и закрепление контактов, а не информирование о внешнем мире. Тогда *информацией* коммуникативного сообщения выступает само сообщение, сама коммуникация, а не обсуждаемый мир. Коммуникация в этом случае оказывается ценной не ради чего-то другого (обсуждаемого предмета), а ради самой себя, ради того, чтобы она продолжалась, а не заканчивалась. Эту идею сформулировал Н. Луман<sup>1</sup>.

Из сказанного вытекает, что *амбивалентность коммуникации определяет различие в типах солидарности*, а из такой принципиальной амбивалентности коммуникации следуют два типа основанной на ней солидарности: солидарности, основанной на коллективном, *изначально известном* знании (коллективные представления, предания, топики), и солидарности, основанной на *обмене* индивидуальным знанием, информацией, которая известна одному участнику коммуникации и неизвестна другому.

Так, мы рассказываем старые анекдоты, чтобы показать, что хотим общаться, утвердить социальные связи, и рассказываем новые анекдоты, чтобы удивить или продемонстрировать осведомленность в чем-то новом.

В одном случае (традиционное общество) сплоченность общества выстраивается на известности знания, некоторого набора коллективных верований, в другом случае (модерное общество) коммуникация основана на интересе к ранее неизвестному. В первом случае предметом интереса является поддержание солидарности за счет воспроизводства мифонаративов, традиционных установок, ритуалов, разного рода топов или общих мест, в другом случае предметом высказывания является внешний мир в его собственных, но главное — новых и любопытных — характеристиках.

Эти два типа коммуникации и основанной на ней солидарности можно назвать *мотивационно-интеграционным* и *информационным* типами соответственно.

Это во многом уже тривиальное различие традиционного и нового может служить и универсальным признаком человека. Человек — это существо, различающее прошлое и будущее, известное и новое и, исходя из этого различия, приписывающий себя к прошлому (константному, традиционному) или современности (ориентированной на вариативное будущее). В обоих этих случаях именно *знание* является основанием солидарного поведения. Но каковы конкретные типы этого знания? В качестве гипотетического, выдвинем третье утверждение о том, что именно *семантика страданий, успеха, любви и внешней опасности, т.е. знание слов и их смыслов в этих четырех сферах жизненного мира, определяет солидарное поведение*.

Однако здесь я хотел бы подвергнуть критике вышеозначенное и кажущееся очевидным положение, обратившись к вопросу: каков конкретный характер этого знания, служащего основанием согласия и солидарности. Речь идет, прежде всего, о знании в области важнейших регионов жизненного мира.

Во-первых, такое знание определено семантикой общих страданий, *сострадания* (знание о болезнях, неудачах и знание смыслов соответствующих слов). Я знаю, что другой переживает боль, потому что он, как и я, знает слово, обозначающее болезнь и его референт в виде личного переживания боли. Во-вторых, речь идет о семантике удовольствий и общих *успехов* (удача на охоте, рождение детей, брак и т.д.). В-третьих, речь идет о семантике любви и дружбы. Мы выражаем дружеские чувства и знаем соответствующие слова. В четвертых, речь идет о семантике внешних опасностей.

Кажется очевидным, что общее знание слов и их смыслов в этих четырех областях жизненного мира обеспечивает эмпатию, вчувствование, солидарное поведение, так называемую *интерсубъективность*. С этой точки зрения, единственным универсальным суждением о человеке является представление о нем как о субъекте, *знающем то, что переживает другой*.

Другой в этом смысле идентичен или полностью симметричен Эго, так как переживания Эго в принципе доступны для переживания Другого, поскольку их жизненный мир регионализован идентично или изоморфно. Это антропологическое допущение является заблуждением, которое я попытаюсь опровергнуть своим четвертым утверждением: *знание и понимание другого препятствуют коммуникации.*

Аналитическая философия сознания (аномальный монизм Д. Дэвидсона<sup>2</sup>), социологическая теория (Н. Луман) требуют исходить из асимметрии сознания (ментальных актов, переживаний) и действия (высказываний). Говоря совсем просто, общение возникает как реакция на принципиальную недоступность сферы ментального. Мы не в состоянии переживать чужие переживания.

Это следует из того, что:

1) переживания, конечно, могут причинным образом порождать физические следствия (действия, высказывания), но эти связи всегда уникальны, они не могут предстать в виде физических законов (Д. Дэвидсон);

2) полное вчувствование препятствовало бы коммуникации, так как означало бы знание подлинных (сексуальных, эгоистичных, постыдных, агрессивных, завистливых и т.д.) мотивов действий, и это знание разрушило бы общение;

3) в случаях, когда сознание Другого и без того доступно Эго, коммуникация является избыточной.

В связи с этим я делаю следующее утверждение: *универсальным суждением о человеке может служить суждение о его незнании, о его неосведомленности, тайне и секретности.*

Означенная проблема *разрушительного характера общего знания* решалась путем табуирования больших сегментов внешнего мира. Возникала коммуникация особого типа на основе коммуникационных запретов или табу.

В качестве иллюстрации приведу выдержку из книги известного антрополога Фредрика Барта «Ритуал и знание племени Бактаман из Новой Гвинеи» и небольшого современного исследования «О чем молчат в кабардинских семьях».

Приведу цитату о коммуникациях в племени Бактаман.

«Семиступенчатые инициации у племени Бактаман состоят в разоблачении ранее иницированными членами тайн, которые были открыты новичкам на первых ступенях инициаций. Это тайны о мифах происхождения, магии, племенное предание. Речь, прежде всего, идет об акустических, визуальных, тактильных символах (человеческой) силы. Например, мужскую силу символизирует жир кабана... Но самая большая тайна состоит в том, что все тайны, раскрытые на предшествующих ступенях, были ложными, поскольку требовалось защитить тайные истины, к которым еще не были готовы иницируемые... На каждой следующей ступени раскрытие новой тайны и разоблачение предыдущей повторяется»<sup>3</sup>.

В условиях высокой смертности до седьмой инициации почти никто не доживал, так что последняя тайна остается недоступной. Итак,

«возможности вчувствования по отношению к соплеменникам остаются семантически неразвитыми. Результатом этого является недоверие, организованное вдоль этой главной линии, [разделяющей] *знающих и незнающих*, которая дифференцирует общество. *Общество дифференцировано через незнание*. Не существует никаких семей, сегментарных структур. Возможностей для выражения общего знания практически нет»<sup>4</sup>.

Это кажется парадоксальным, но вчувствование, способность разделить с другими общие переживания может оказаться дисфункциональной для солидарности. Причем эта установка характеризует и современные отношения.

Вот несколько цитат из небольшого исследования «Строгое табу. О чем молчат в Кабардинских семьях»<sup>5</sup>.

«В многонациональной Кабардино-Балкарии, если попадете в традиционную семью, вы никогда не услышите разговоров о любви и отношениях между мужчиной и женщиной. Такого рода беседы считаются здесь недопустимыми даже среди молодых... Рассказы об удаче, счастье, происшествии, неожиданном подарке тоже могут быть восприняты как хвастовство. Поэтому ни о чем подобном не рассказывают... Не принято хвастаться и своими детьми, даже если они очень хорошие и удачливые, об их успехах молчат... родители и вообще родственники никогда не похвалят ребенка... Отец избегает показываться на людях с маленьким ребенком, особенно с сыном. Он всегда ведет себя с детьми очень сдержанно, особенно с мальчиками, разговоры отца с сыном сводятся к минимуму. Это объясняется тем, что издавна отец мальчика растил воина. И чтобы тот вырос стойким, сильным, сдержанным, в семье не допускались никакие сантименты, отец практически не говорил с сыном... Люди избегают обсуждать больных и болезни. Если в семье кто-то давно болел, был калекой или душевнобольным, с членами семьи не заговаривали о болезни родственника... Не принято хвалить человека в лицо. Считается, что, когда хвалишь человека в глаза, ты неискренен»<sup>6</sup>.

Интерпретируя это исследование, я утверждаю, что базовым условием солидарности является коммуникативная изоляция.

Итак, гарантией — особого рода *солидарности через изоляцию* — становится тайна и табу. Они связывают сообщество через запрещение общего знания. Если общее знание никак не выражено, никто не ошибется в его применении, никто не осуществит обман и не сможет этим знанием злоупотребить. О сакральном нельзя говорить, а значит нельзя его коррумпировать словами, исказить, повредить. *Отказ от обсуждений общего знания — связывает через элиминацию риска отклонения коммуникации*. Люди вместе молчат об опасностях. В условиях, когда слово и объект не различались, всякое высказывание о внешнем (опасном) мире означало привлечение опасности из внешнего пространства в обжитую середину. Обсуждение несчастий и болезней, эмпатия, конечно, создают солидарность, но с другой стороны, развитие этой семантики понимается и как возможность насыщать болезни. Поэтому лучше не развивать эту семантику. Семантика радости чужим и собственным успехам может стать способом располо-

жить к себе другого, т.е. формой лести, и следовательно — манипуляцией. То же касается семантики дружбы и любви, поскольку дружить можно против других и образовывать коалиции. Поэтому на коммуникацию общих чувств и общностного знания следует накладывать запрет.

Все вышеозначенное дает возможность сформулировать некоторые выводы о том, в чем же состоит базовая дистинкция прошлого и современного обществ, а значит, и универсальная характеристика человека.

Такое различие, на мой взгляд, можно провести, различая *пред-традиционные* общности, связанные общим незнанием, и *традиционно-модерные* общества, связанные коллективным (или новым) знанием. В этом смысле традиционные и модерные общества выглядят более близкими друг другу, чем пред-традиционные, поскольку высказывают *общие структурные свойства*. Речь идет о следующих свойствах: и в традиционных, и современных обществах, во-первых, Другой понимается как отличный от Эго, как Другой Эго. Во-вторых, действия Другого и Эго понимаются как отличные от переживаний Эго и Другого.

Структура пред-традиционного общества, *общества общего не-знания*, не предполагает подобных различий, а требует абсолютной симметрии *Другого и Эго, действия и переживаний*, причем общим знаменателем идентификации себя с другим являются коммуникативные запреты. Внешние причины событий (предметы обсуждений, внешние мировые реалии) выведены за рамки обсуждений, табуированы.

Напротив, современная коммуникация асимметризирована. Переживание теперь понимается как автономная реальность, которую нельзя контролировать и которая может никак не реализовываться в действиях (высказываниях). Другой существенно отличен от Эго, поскольку обладает некоторым знанием, неизвестным и удивительным для Эго.

Вывод таков: универсальное антропологическое высказывание возможно как высказывание о человеке, переживания которого недоступны другому и могут противоречить его действиям, но об их содержании можно формулировать суждения, верифицируемые коммуникативно.

#### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Луман Н. Общество как социальная система. — М., 1984.

<sup>2</sup> Davidson D. Essays on Actions and Events. — Oxford, 1980.

<sup>3</sup> Barth Fr. Ritual and Knowledge Among the Baktaman of New Guinea. — New Haven (CT), 1975. P. 35.

<sup>4</sup> Луман Н. Медиа коммуникации. — М., 2005. С. 73.

<sup>5</sup> URL: <http://smartnews.ru/regions/sevkav/17405.html>.

<sup>6</sup> Там же.

#### REFERENCES

- Luhmann N. Obschestvo kak sozialnaya sistema. Moskva, 1984.  
Davidson D. Essays on Actions and Events. Oxford, 1980.  
Barth Fr. Ritual and Knowledge Among the Baktaman of New Guinea. New Haven (CT), 1975.  
Luhmann N. Media kommunikazii. Moskva, 2005.